

KOMISJONI ESIMEHE RAHVASAADIK A. KÖÖRNA INFORMATSIOON EESTI NSV ÜLEMNÕUKOGU XI KOOSSEISU XIII ISTUNGJÄRGUL

20. juulil 1989 võttis Eesti NSV Ülemnõukogu Presiidium vastu otsuse:

1. Kinnitada 1940. aastal Eestis toimunud sündmustele ajaloolis-õigusliku hinnangu väljatöötamise komisjoni koosseis.

2. Eesti NSV Ülemnõukogu seaduseelnõude, rahvussuhete ning väliskomisjonil vaadata läbi käesoleva otsusega moodustatud komisjoni tehtavad ettepanekud ja järeldused.

Komisjoni loomise üheks ajendiks olid kodanike rohkearvulised pöördumised Eesti NSV Ülemnõukogu Presiidiumi poole nõudmisega tuua selgust 1940. a. sündmustesse Eestis. Ülemnõukogu Presiidiumile laekus avaldusi rohkem kui 435 000 allkirjaga.

Loodud komisjoni kuulus 19 eksperti, põhiliselt ajaloolased ja juristid, kes on tunnustatud spetsialistid 1940. a. ajalooliste sündmuste uurimisel.

Komisjon tutvus kõigi senitehtud ajalooliste uuringutega nii meie vabariigis kui ka mujal, täiendavate arhiivimaterjalidega ning 1940. a. sündmustest otseselt osa võtnud inimeste tunnistuste ja neid sündmusi kajastavate materjalidega ajakirjanduses. Kõigi nende materjalide analüüsi alusel tehtud ajaloolisest hinnangust lähtub tollaste sündmuste **juridiline hinnang**. Lisaks sellele toimusid komisjoni ja tema alagruppide konsultatsioonid teiste spetsialistidega, komisjoni töö käigus laekus Ülemnõukogu Presiidiumile ka uut allikmaterjali, osavõtjate mälestusi ja muud.

Oma töös sai komisjon kasutada Eesti TA presiidiumi poolt 27. juulil loodud ekspertkomisjoni materjale ning tugineda selle hinnangule. Olgu öeldud, et komisjoni järeldused kiitis Eesti Teaduste Akadeemia presiidium heaks 12. septembril ja need ilmusid ajakirjanduses 22. septembril. Usun, et paljud saadikud on nendega tuttavad.

Komisjoni töö tulemusena valmis **ajalooline õiend**, millele on lisatud arvukad koopiad ajaloolistest dokumentidest ja komisjoni otsus. Komisjoni otsusele on 19-st komisjoni liikmest alla kirjutanud — 17. 2 komisjoni liiget Eduard Tšerevaško ja Valeri Tšetvergov komisjoni tööst osa ei võtnud. Nii ajalooline õiend kui ka dokumentaalsed lisad on praegu tõlkimisel ja paljundamisel, mistõttu käesoleval istungjärgul ei ole võimalik neid saadikuile kätte jagada lähemaks tutvumiseks.

Nüüd probleemi sisust.

Eesti Vabariigi ja Nõukogude Liidu vahekordi aastail 1920—1939 reguleeris lepingute süsteem, mis rajanes rahvaste vaba enesemääramise õiguse tunnustamisel ja Tartu rahulepingul (2. veebruar 1920).

Paraku muutusid suhted mõlema riigi vahel järsult pärast Nõukogude Liidu ja Saksamaa vahel mittekallaletungilepingu sõlmimist 23. augustil 1939. Pakti juurde kuuluv salajane lisaprotokoll jagas Ida-Euroopa alad mõlema riigi huvifäärideks — määras Eesti Nõukogude Liidu huvifääri ning andis võimaluse siin territoriaal-poliitilisteks ümberkorraldusteks.

25. septembril 1939 informeeris J. Stalin Hitlerit, et ta kavatseb võtta «... käsile Balti riikide probleemi lahendamise kooskõlas 23. augusti protokolliga ning ootab selles küsimuses Saksa valitsuse vääramatut tuge». Eesti valitsuselt nõudis stalinlik juhtkond vastastikuse abistamise pakti sõlmimist ühes Nõukogude relvajõudude paigutamisega Eesti territooriumile. Nõudmistele kaasnes jõudemonstratsioon (Nõukogude sõjalaevad

tungisid korduvalt Eesti territoriaalvetesse), 25.—26. septembril toimusid massilised Nõukogude lennuväe ülelennud Eesti territooriumist, Narva—Petseri piirile koondati kuni 20 jalaväediviisi, tanki- ja suurtükiväe üksused, järgnes sõjaline provokatsioon (Nõukogude auriku «Metallist» uputamine), otsesed ähvardused jõudu kasutada (V. Molotov 24. septembril Eesti välisministrile K. Selterile: «Soovitan Teil tulla vastu Nõukogude Liidu soovidele, et ära hoida halvemat. Ärge sundige NSV Liitu tarvitama jõudu selleks, et saavutada oma eesmäärke.»).

Eesti oli sunnitud ülekaaluka sõjalise surve all 28. septembril 1939 alla kirjutama sisuliselt ebavõrdsele lepingule, mis formaalselt küll tunnustas Eesti sõltumatust, kuid kindlustas Nõukogude Liidule tema relvajõudude (25 000 meest Eesti 15 000 mehe vastu) alalise kohaloleku. Sellega lõi Nõukogude Liit täiendavaid eeldusi ultimatiivse jõupoliitika teostamiseks.

Sisepoliitiline olukord Eestis 1940. a. kevadsuvel

1940. a. kevadel oli Eesti Vabariigi majandus üle saanud Euroopas käimasoleva sõjaga kaasnevatest raskustest. Majanduslik olukord oli stabiilne: tööhõive kõrgeim kogu Vabariigi aja jooksul, elatustasemelt ligilähedane Skandinaaviamaadele — Rootsile ja Norrale (edestati Soomet), streike ei olnud.

Eitamata klassivastuolusid ja sisepoliitilisi pingeid Eestis nagu igas kodanlikus riigis üldse, tuleb aga tunnistada, et sisepoliitikas oli tookordses Eesti ühiskonnas domineerivaks konflikt rahvahulkade demokraatlike taotluste ning K. Pätsi autoritaarse režiimi vahel. Demokraatliku opositsiooni olemasolu tunnistavad 1938. a. Riigivolikogu ja 1939. a. sügisel toimunud kohalike omavalitsuste valimised, kus opositsiooni kandidaadid said rohkem häält kui K. Pätsi režiimi toetajad. Seda arvestas ka EKP, kelle üleskutses ei olnud püstitatud nõukogude võimu kehtestamise ülesannet, vaid nähti ette demokraatlike vabaduste kättevõitmist, töörahva materiaalse olukorra parandamist, uue valitsuse moodustamist. Oleks aga vale, nagu seda senises historiograafias on kahjuks tehtud, nende demokraatlike nõudmistega näha automaatselt valmisolekut nõukogude võimu kehtestamiseks ning NSV Liitu astumiseks. Tänu ühisrindele pahempoolsete sotsialistidega oli EKP-l üsna suur mõju enamikus ametiühingutes ja teistes töölisorganisatsioonides. Ka osa haritlasi toetas sotsialismiideid. On aga selge, et n.-õ. sisemise opositsiooni jõududega ei olnud 1940. aastal reaalne kukutada K. Pätsi valitsust ja muuta Eesti ühiskondlikku korda. Ilmselt pidas EKP silmas Nõukogude Liidu sekkumist Eesti asjadesse ning lootis sel juhul tulla võimule ja järk-järgult üle minna sotsialismile.

Seega võib väita, et ei majanduslik ega poliitiline olukord Eestis 1940. a. juunisündmuste eel ei tõenda siin revolutsioonilise situatsiooni olemasolu.

Sündmused Euroopa sõjatandril kahtlemata aktiveerisid Nõukogude Liidu välispoliitikat. Seda sai tunda ka Eesti. Kui senini oli NSV Liit Eestis paiknevate sõjaväebaaside õiguslikku külge reguleeriva lepingu sõlmimisega venitanud, siis nüüd forsseeriti seda järsult. Vastavad läbirääkimised toimusid ultimatiivses toonis ja diktaadi tingimustes. 15. mail kirjutati leping alla Eestile ebasoodsatel tingimustel: Nõukogude sõjaväebaasideks tuli anda Paldiski linn, Suur- ja Väike-Pakri, Osmussaar, ligi sada küla ja asundust, kust elanikkond tuli suures osas ümber asustada. Eeldused suurema väekontingendi vastuvõtmiseks olid loodud. Seejuures märkis Nõukogude pool, et temal Eestile pakti täitmise suhtes pretensioone ei ole. Kuid juba 10. juunil kehtestati lahinguvalmidus Nõukogude sõjaväebaasides, alates 14. juunist alustasid Nõukogude sõjajõud tegut-

semist (sadamate ja merelepääsu sulgemine, merel olevate kauba- ja kala-laevade sadamasse konvoeerimine, Soome reisilennuki allatulistamine Eesti õhuruumis, tule avamine Eesti lennukile jmt.), mis vastab mere- ja õhublokaadi tunnustele ja mida NSV Liidu poolt allakirjutatud Londoni konventsioon kvalifitseerib kallaletungina (konventsiooni art. 2 p. 3—4).

Pühapäeval, 16. juunil kell 15.20 kutsus Molotov enda juurde Eesti saadiku Moskvast August Rei ja andis talle üle Nõukogude valitsuse noodi. Vastust nõuti 8 t. 40 minuti jooksul.

Nõukogude noot rajanes väljamõeldud süüdistustele, nagu oleks Eesti koos Läti ja Leeduga sõlminud sõjalise liidu kallaletungiks Nõukogude Liidule.

Tõendusmaterjalina Nõukogude Liidu sõjalisest ohustamisest Eesti poolt esitas V. Molotov kolm asjaolu:

(1) Balti konverentsist salajane osavõtt detsembris 1939 ja märtsis 1940;

(2) Baltimaade kindralstaapide koostöö salajasest laiendamisest ja

(3) «sõjalise Balti Entente'i» erilise trükiorgani loomist veebruaris 1940 — «Revue Baltique».

Nõukogude valitsuse süüdistused olid täiesti alusetud, sest

(1) Eesti, Läti ja Leedu vahelised lepingud olid avalikud, registreeritud ja publitseeritud Rahvasteliidus; nende lepingute tegelik sisu ei võinud Nõukogude Liidule kui Rahvasteliidu endisele liikmele (kuni väljaheitmiseni 14. 12. 1939) olla tundmatu;

(2) Eesti poliitiline ega sõjaline juhtkond ei plaanitsenud Balti konverentsidel salajast ega avalikku kallaletungi Nõukogude Liidule; vastastikuse abistamise pakti sõlmimine NSV Liiduga ei pannud Eesti Vabariigi valitsusele kohustust üles öelda Läti Vabariigiga 1. novembril 1923 sõlmitud vastastikuse kaitse lepingut;

(3) «Revue Baltique» oli kolme Balti riigi ühine ajakiri, kajastas kolme riigi majanduselu, kirjandust, muusikat, arhitektuuri ja ajalugu, ei olnud salajane, vaid raamatukauplustes ja ajalehekioskites vabalt saadav ning ajalehtedes reklaamitav väljaanne.

Nõukogude valitsus nõudis ultimatiivselt Eestilt uue valitsuse moodustamist ja Punaarmee täiendavate vägede sisselaskmist NSV Liidu poolt valitud piirkondadesse. Ultimaatumiga kaasnes varjamata ähvardus: kui märgitud tähtjaks ei saabu nõustumise teadet, antakse piirile koondunud vägedele käsk tungida üle Eesti piiri ning relva jõuga maha suruda igasugune vastupanu.

Eesti Vabariigi ja NSV Liidu vaheline lepingute süsteem sisaldas peensusteni viimistletud mehhanismi arusaamatuste, tülide ja vaidluste rahu-meelseks lahendamiseks. Ultimaatumiga tähtaeg, 8 tundi ja 40 minutit, tõendab, et Nõukogude juhtkond ei eeldanudki ultimaatumis esitatud süüdistuste selgitamist, vaid oli langetanud otsuse jõupoliitika kasuks ja Eesti Vabariigi koheseks okupeerimiseks. Eesti valitsus andis nõutavaks tähtajaks ultimaatumile alistuva vastuse. Punaarmee täiendavate väeosade paigutus tuli mõlema riigi sõjaväevõimudel lahendada. Faktiliselt toimus see ühepoolset: läbirääkimised pidid algama Narvas 17. juunil kell 9, kuid Punaarmee ületas riigipiiri juba kell 4 Eesti aja järgi. Läbirääkimiste asemel pandi Johan Laidonerile ette kirjutada alla protokoll, kus olid fikseeritud Punaarmee täiendava 90 000 mehe paiknemise kohad (see hõlmas kogu Eesti territooriumi), nõuti sõjaväekomandantuuride loomist raudteesõlmedes ja postitelegraafi suuremates asutustes, tsiviilelanikkonnalt relvade ärakorjamist, Eesti lennukite 2-nädalast lennukeeldu jne. Siia lisandusid samal päeval eri väekoondiste ülemate nõudmised Eesti sõjaväe- ja tsiviilobjektide üleandmiseks Punaarmeele.

Stalinliku poliitilise juhtkonna, Punaarmee sõjalise juhtkonna toiminguid 10.—17. juunini ja invasiooni 17. juunil 1940 kvalifitseeris komisjon

rahvusvahelise õiguse seisukohalt sõjaliseks okupatsiooniks (vt. Kallaleringi defineerimise konventsiooni art. 2 p. 2, 3, 4) ja järgnenud riigiõiguslikud järeled õigustühisteks iseenesest.

Hiljemalt 18. juunil algas Nõukogude saatkonnas Tallinnas uue valitsuse moodustamine. Saatkond ignoreeris tõsiasja, et Eesti valitsus oli ultimaatumiga vastu võtnud ja põhiseadusest tulenevalt K. Päts alustanud läbirääkimisi uue valitsuse moodustamiseks. Saatkond ning 19. juunil Tallinna saabunud Andrei Zdanov kujundasid uue valitsuse 18.—20. juunil. K. Pätsi ettepanekud, ettepanud peaministri kandidaadid lükkas A. Zdanov järsult tagasi. Uue valitsuse moodustamisel osalesid vahetult endised pahempoolsed sotsialistid, nn. Ühtsusrühma liikmed. Eesti kommuniste ei usaldatud. J. Stalini suhtumist iseloomustab küniline avaldus 1939. a. paktiga seotud läbirääkimistel: kui kommunistid teile raskusi valmistavad, siis võib nad ju maha lasta.

Uue valitsuse ametisseastumine pidi A. Zdanovi stsenaariumi järgi käima tänavademonstratsioonide tulemusena. Vastav korraldus anti 20. juuni õhtul Nõukogude saatkonnast Maksim Undile, kellele oli määratud siseministri roll Nõukogude saatkonna poolt.

M. Unt märgib oma elulookirjelduses: «Sm. Zdanov andis minule ülesande organiseerida öö jooksul miiting ja väljaastumine 21. juuniks.»

Selleks kaasati kohalikke kommuniste, kelle üldarv Eestis ulatus 130—150-ni. Määratud päeval toimusid kolmekümne kolmest Eesti linnast miitingud 10 linnas, ühes alevis ja ühes alevikus. Tallinnas viibis miitingul Vabaduse väljakul umbes 5000 inimest. TASS möönab, et sellest võtsid osa ka Nõukogude relvajõud. Tsiteerin: «Nõukogude tankide, võitlejate ja komandöride ilmumine väljakule võeti vastu üldise juubeldamisega.» («Pravda» 22. 06. 1940.) Miitingul kõnega esinenud Punaarmee komandör sai tõesti aplausi.

Jõudemonstratsioon jätkus Kadrioru lossi ees, mille järel A. Zdanov koos saadik K. Nikitiniga ja saatkonna töötajatega tegi 8-minutilise visiidi president K. Pätsile, dikteerides talle J. Varese valitsuse koosseisu. Samal õhtul kell 22.15 teatati uuest valitsusest raadio teel. Valitsuse koosseisu reguleerimine toimus ka edaspidi kooskõlastatult Nõukogude Liidu saatkonnaga (vt. kohtuminister B. Sepa tagandamine. N. Andreseni mälestused. «Rahva Hää» 22. 07. 1989).

Osa eesti rahvast tervitas uut valitsust, kuid erinevatel põhjustel. Demokraatlikult meeletatud intelligents seostas sellega riigikorra demokraatiseerimise püüdlusi, vaesem osa rahvast lootis materiaalse ja sotsiaalse olukorra paranemist, põhiosa talurahvast taotles taludel lasuva võlakoori kergendamist, väikepõllupidajad ja maatamehed tahtsid saada maad, kommunistid nägid selles oma programmiliste nõudmiste elluviimise üht etappi. Seda kinnitavad arvukad miitingud, rahvakoosolekud, töökollektiivide resolutsioonid ja loodud uute organisatsioonide programmdokumendid. Rahvas ei teadnud võimu telgitagustest ja stalinliku poliitika plaanidest Eestimaa suhtes.

Nõukogude saatkonna ja sõjaväe kõrval osalesid aktiivselt kogu riigiparaadi ümberkujundamisel ja stalinliku terrorismi käivitamisel Eestis Nõukogude eriteenistused. Selleks toodi kohale Leningradi tšekistid, arreteeriti ja viidi riigi piiridest välja Eesti Vabariigi kodanikke.

Formaalselt püüti pärast 21. juunit järgida Eesti Vabariigi põhiseaduslikku korda.

Olukord muutus järsult pärast Zdanovi korraldust välja kuulutada ja 14.—15. juulil läbi viia uue Riigikogu valimised tingimustel, mis olid Põhiseaduse-vastased: valimised tuli läbi viia kolm korda lühema aja jooksul, kui seda valimiseseadus ette nägi; valimised tuli läbi viia ilma kohtuliku õiguskaitseta. Olgu märgitud, et samad tingimused dikteerisid Dekanozov Leedu ja Võšinski Läti uutele valitsustele. Nende ja muude oma-

voliaktidega rikuti Eesti Vabariigi Põhiseaduse §§ 30, 68, 99 ja Riigivolikogu Valimiste Seaduse §§ 16 ja 27.

A. Zdanovi otsesel korraldusel taandati Eesti Töötava Rahva Liitu mittekuuluvad kandidaadid: esmalt nõuti neilt vähema kui ööpäeva jooksul valimisplatvormi esitamist — valitsuse korraldus 9. juuli õhtul nõudis valimisplatvormi esitamist 10. juulil kella 14-ks; seejärel anti Valimiste Peakomiteele õigus kõrvaldada ka need Eesti Töötava Rahva Liitu mittekuuluvad saadikukandidaadid, kes jõudsid oma valimisplatvormi esitada. Tühistati 57 kandidaadi esitamiskirjad. 20 kandidaati loobus ähvarduste ja šantaaži mõjul. Valimised viidi läbi otsese ja kaudse surve ning ähvarduste olukorras. Nii valimiseelses kampaanias kui ka mõlemal valimispäeval võttis Punaarmee demonstratiivselt sündmustest osa (valimisjaoskondi valvasid punaarmeelased, nende transporti kasutati valimiste läbiviimise ajal). Paljude isikute mälestuste kohaselt rikuti valimiseeskirju ja võltsiti hääletamistulemusi.

Esinedes 17. juuli mittingul Tallinnas, ütles K. Säre, et võit valimistel olevat veenvalt demonstreerinud rahva usaldust Nõukogude Liidu ja isiklikult J. Stalini vastu. Kujunenud uues poliitilises olukorras olevat üles kerkinud nõukogude võimu kehtestamise ja Eesti Nõukogude Liidu koosseisu astumise küsimused.

Omamata rahva volitusi ja olemata Riigikogu, kes põhiseaduslikult on ainupädev langetama otsuseid riigikorra küsimustes, võtsid 21. juulil 1940 kokku tulnud Eesti Töötava Rahva Liidu saadikud vastu Eesti riigikorda muutvaid otsuseid, mis ei tulenenud nende valimisplatvormist ega uue valitsuse programmdokumentidest, ammugi mitte Eesti rahva vabast tahteavaldusest. Võimu küsimuses ei viidud Eestis läbi rahvaküsitlusi ega referendumit. «Stalin pettis targemaid ja kogenenumaidki tegelasi kui meie, eesti kommunistid, seda olime. Saime petetud ja petsime rahvast, aga mitte teadlikult ja tahtlikult,» kirjutas oma kirjas ENSV Ülemnõukogu Presiidiumile 20. sept. 1989 parteiveteran, Riigivolikogu II koosseisu sekretär Olga Lauristin, kes nõustus komisjoni õigusliku hinnanguga.

Komisjon märgib oma otsuses, et eeltoodust lähtudes kvalifitseeruvad: — õigustühisteks kõik Eesti Vabariigi ja Nõukogude Liidu vahelised lepingud aastatest 1939—1940, mis on sõlmitud pärast Nõukogude Liidu ja Saksamaa vahelist 23. augusti 1939. aasta pakti ja selle salaprotokollid, mis õigusvastaselt jagas Ida-Euroopa kahe suurriigi vahel ning määras Eesti Vabariigi Nõukogude Liidu huvisfääri, nähes selleks ette territoriaalpoliitilisi ümberkorraldusi;

— agressiooniks, sõjaliseks okupeerimiseks ning Eesti Vabariigi annekteerimiseks Nõukogude Liidu juhtkonna välispoliitilised ja sõjalised aktsioonid Eesti Vabariigi vastu 1940. aastal.

Leninlikus rahudekreedis on öeldud: «Anneksiooni ehk võõraste maade vallutamise all mõistab valitsus (mõeldud on Nõukogude valitsust — A. K.) vastavalt demokraatia õigusteadvusele üldse ja töötavate klasside õigusteadvusele eriti igasugust väikese või nõrga rahva liitmist suure või tugeva riigi külge ilma selle rahva täpselt, selgesti ja vabatahtlikult avaldatud nõusolekuta ja soovita, sõltumata sellest, millal see vägivaldne liitmine on toime pandud, sõltumata ka sellest, kuivõrd arenenud või mahajäänud on vägivaldselt liidetav või vägivaldselt antud riigi piirides peetav rahvus.» (V. I. Lenin. Teosed, 26. kd., lk. 222.)

Komisjon järeldab, et Eesti lülitamine 1940. aastal Nõukogude Liidu koosseisu ei olnud õiguspärane.

ИНФОРМАЦИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИССИИ ДЕПУТАТА А. КЁЁРНА НА XIII СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА ЭСТОНСКОЙ ССР

Уважаемые депутаты!

20 июля 1989 г. Президиум Верховного Совета ЭССР принял постановление:

1. Утвердить состав комиссии по выработке историко-правовой оценки событий, имевших место в Эстонии в 1940 году.

2. Комиссиям Верховного Совета ЭССР законодательных предположений, по межнациональным отношениям и по иностранным делам рассмотреть предложения и выводы, сделанные комиссией, образованной на основании постановления.

Одним из поводов создания комиссии послужили многочисленные обращения граждан в Президиум Верховного Совета ЭССР с требованием внести ясность в события 1940 г. в Эстонии. В Президиум Верховного Совета поступили заявления, под которыми подписались более 435 тысяч человек.

В комиссию вошли 19 экспертов, в основном историки и юристы, признанные специалистами по истории 1940 г.

Комиссия ознакомилась со всеми историческими исследованиями как в нашей республике, так и за ее пределами, с дополнительными архивными материалами, а также со свидетельствами непосредственных участников событий 1940 г. и опубликованными в печати материалами, отражающими эти события. Из исторической оценки, сделанной на основании анализа этих материалов, исходит юридическая оценка этих событий. Состоялись и консультации комиссии и ее подгрупп с другими специалистами, в ходе работы комиссии в Верховный Совет поступили также новые материалы, воспоминания очевидцев и т. д.

В своей работе комиссия могла использовать материалы экспертной комиссии, созданной 27 июля президиумом АН Эстонии, и опираться на ее оценки. Следует отметить, что выводы комиссии Академии наук были одобрены президиумом АН 12 сентября и опубликованы в печати 22 сентября. Думаю, что многие депутаты с ними знакомы.

В результате работы комиссии подготовлена историческая справка, к которой приложены многочисленные копии исторических документов и решение комиссии. Под решением комиссии из 19 ее членов подписались 17. Два члена комиссии, Э. Черевашко и В. Четвергов, не участвовали в ее работе. Как историческая справка, так и документы отданы сейчас на перевод и для снятия копий, в связи с этим на сессии их просто технически невозможно было представить депутатам для ближайшего ознакомления.

Теперь о сути проблемы.

Отношения между Эстонской Республикой и Советским Союзом в 1920—1939 годы регулировались системой договоров, основанных на признании права свободного самоопределения наций и Тартуском мирном договоре (2 февраля 1920 г.).

К сожалению, отношения между обоими государствами резко изменились после заключения между Советским Союзом и Германией договора о ненападении 23 августа 1939 г. Относящийся к пакту секретный дополнительный протокол поделил Восточную Европу на сферы интересов государств, определив Эстонию в сферу интересов Советского Союза и дав здесь возможность для территориально-политических преобразований.

25 сентября 1939 г. Сталин информировал Гитлера о том, что он намерен заняться решением проблемы Балтийских государств в соответствии с протоколом от 23 августа и ждет определенной поддержки в

этом вопросе от немецкого правительства. От эстонского правительства сталинское руководство потребовало заключения пакта о взаимопомощи одновременно с размещением на территории Эстонии советских вооруженных сил. Требования сопровождалась демонстрацией силы: советские военные корабли неоднократно вторгались во внутренние территориальные воды Эстонии, 25—26 сентября происходили массовые полеты советских самолетов над территорией Эстонии, на границе от Нарвы до Печор были сосредоточены до 20 пехотных дивизий, танковые и артиллерийские подразделения, затем последовала военная провокация (зажигание советского парохода «Металлист»), прямые угрозы о применении силы (В. Молотов 24 сентября рекомендовал министру иностранных дел Эстонии К. Сельтеру идти навстречу пожеланиям Советского Союза, чтобы избежать худшего, и не вынуждать СССР применить силу для того, чтобы добиться своих целей).

Эстония была вынуждена под превосходящим военным давлением 28 сентября 1939 г. подписать неравный по сути договор, который хотя формально и признавал независимость Эстонии, но гарантировал Советскому Союзу постоянное присутствие его вооруженных сил (25 тысяч против 15 тысяч ВС Эстонии). Тем самым Советский Союз создал дополнительные предпосылки для осуществления ультимативной политики силы.

Внутриполитическая ситуация в Эстонии весной—летом 1940 г.

Весной 1940 г. экономика Эстонской Республики преодолела трудности, которыми сопровождалась начавшаяся в Европе война. Экономическое положение было стабильным: трудовая занятость была самая высокая за весь период существования республики, жизненный уровень приблизился к уровню Скандинавских стран — Швеции и Норвегии (Финляндия была опережена), забастовок не было.

Не отрицая классовые противоречия и внутриполитическую напряженность в Эстонии, как и в каждом буржуазном государстве вообще, следует признать, что во внутренней политике тогдашнего общества Эстонии доминирующим был конфликт между демократическими устремлениями народа и авторитарным режимом К. Пятса. О наличии демократической оппозиции свидетельствуют Государственная дума 1938 г. и выборы в органы местного самоуправления осенью 1939 г., где кандидаты оппозиции получили больше голосов, чем сторонники режима К. Пятса. Это учла и КПЭ, в обращении которой не была поставлена задача установления Советской власти, а достижения демократических свобод, улучшения материального положения трудящихся, создания нового правительства. Было бы, однако, неверным, как это, к сожалению, делалось в историографии, видеть за этими демократическими требованиями автоматическую готовность к установлению Советской власти и вступлению в Советский Союз. Благодаря единому фронту с левыми социалистами, КПЭ имела довольно большое влияние в большинстве профсоюзов и в других рабочих организациях. Идеи социализма поддерживала также часть интеллигенции. Однако ясно, что силами т. н. внутренней оппозиции в 1940 г. было невозможно свергнуть правительство К. Пятса и изменить общественный строй Эстонии. Очевидно, КПЭ имела в виду вмешательство Советского Союза в дела Эстонии и надеялась таким образом прийти к власти и постепенно перейти к социализму.

Таким образом, можно утверждать, что ни экономическая, ни политическая ситуации в 1940 г. накануне июньских событий в Эстонии не подтверждают наличия здесь революционной ситуации.

Военные события в Европе безусловно активизировали внешнюю политику Советского Союза. Это ощутила и Эстония. Если до сих пор СССР тянул с заключением договора, юридически регулирующего размещение военных баз на территории Эстонии, то теперь резко заторо-

пился с решением этого вопроса. Соответствующие переговоры проходили в ультимативном тоне и в условиях диктата. 15 мая договор был подписан на невыгодных для Эстонии условиях: под советские военные базы предстояло отдать город Палдиски, острова Суур-Пакри и Вяйке-Пакри, Осмуссаар, около ста деревень и населенных пунктов, откуда пришлось переселить большую часть населения. Предпосылки для принятия большого воинского контингента были созданы. При этом советская сторона отмечала, что у нее в части выполнения пакта к Эстонии претензий нет. Но уже 10 июня советские военные базы были приведены в состояние боевой готовности, с 14 июня советские вооруженные силы осуществили действия (закрытие гаваней и выходов к морю, конвоирование находящихся в море торговых и рыбных судов в порты, уничтожение финского пассажирского самолета в воздушном пространстве Эстонии, обстрел эстонского самолета и т. д.), что соответствует морской и воздушной блокаде и что подписанная СССР Лондонская конвенция квалифицирует, как нападение (ст. 2 п. 3—4 конвенции).

В воскресенье 16 июня в 15.20 Молотов вызвал к себе посла Эстонии в Москве А. Рея и вручил ему ноту советского правительства. Ответ он потребовал дать в течение 8 часов 40 минут.

Советская нота опиралась на выдуманные обвинения, будто Эстония вместе с Латвией и Литвой заключили военный союз для нападения на Советский Союз.

В качестве подтверждающего материала о военной опасности для Советского Союза со стороны Эстонии В. Молотов привел следующие положения:

1. Тайное участие в Балтийской конференции в декабре 1939 и марте 1940 гг.;
2. О тайном расширении сотрудничества генеральных штабов Балтийских государств;
3. Создание специального военного печатного органа в феврале 1940 г. «Ревю Балтик».

Обвинения советского правительства были совершенно необоснованы, поскольку во-первых, договоры между Эстонией, Латвией и Литвой были открытые, зарегистрированные в Лиге наций, подлинное содержание этих договоров не могло не быть известно Советскому Союзу как бывшему члену Лиги наций (до выхода 14. 12. 1939 г.). Во-вторых, ни политическое, ни военное руководство Эстонии не планировало на Балтийских конференциях ни тайного, ни открытого нападения на Советский Союз; заключение пакта о взаимопомощи с СССР не обязывало правительство Эстонской Республики заявить о договоре, заключенном 1 ноября 1923 года с Латвийской Республикой, о взаимной безопасности. В-третьих, «Ревю Балтик» было общим изданием трех Балтийских государств, отражавшим вопросы экономики, литературы, музыки, архитектуры и истории трех государств, оно не было секретным, а свободно продавалось в книжных магазинах и газетных киосках, рекламировалось в других газетах.

Советское правительство в ультимативном порядке потребовало от Эстонии образования нового правительства и введения дополнительных войск Красной Армии в регионы, избранные СССР. Ультиматум сопровождался неприкрытой угрозой, что если согласие не будет дано к назначенному сроку, войскам, сосредоточенным на границе, будет дан приказ пересечь границу Эстонии и силой подавить любое сопротивление.

Система договоров между Эстонской Республикой и СССР содержала до мелочей отточенный механизм мирного решения недоразумений, размолвок и споров. Срок ультиматума — 8 часов 40 минут — доказывает, что советское правительство и не собиралось разяснить представленные

в ультиматуме обвинения, а вынесло решение в пользу политики силы и немедленной оккупации Эстонской Республики. Эстонское правительство к требуемому сроку покорно ответило на ультиматум. Вопросы о размещении дополнительных воинских частей Красной Армии пришлось решать военным силам обоих государств. Фактически это происходило односторонне: переговоры по этим вопросам должны были начаться в Нарве 17 июля в 9 часов, но Красная Армия перешла границу уже в 4 часа по эстонскому времени. Вместо переговоров Лайдонеру было предписано подписать протокол, в котором были зафиксированы дополнительные места дислокации для 90-тысячного контингента Красной Армии (они охватывали всю территорию Эстонии), требование о создании военных комендатур на железнодорожных узлах и в крупнейших учреждениях почты и телеграфа, о конфискации оружия у гражданского населения, о двухнедельном запрете на полеты самолетов Эстонской Республики т. д. Сюда добавились поступившие в тот же день требования начальников специальных войсковых подразделений о передаче военных и гражданских объектов Красной Армии.

Действия сталинского политического руководства и военного руководства Красной Армии с 10 по 17 июня и вторжение 17 июня 1940 г. комиссия международного права квалифицировала как военную оккупацию (см. конвенцию дефиниции нападения ст. 2 п. 2, 3, 4) и последовавшие государственно-правовые выводы как юридически ничтожные.

Самое позднее 18 июня в Советском посольстве в Таллине началось формирование нового правительства. Посольство проигнорировало тот факт, что эстонское правительство приняло ультиматум и, исходя из Основного Закона, К. Пятс приступил к переговорам об образовании нового правительства. Посольство и прибывший 19 июня в Таллинн А. Жданов сформировали новое правительство 18—20 июня. Предложения К. Пятса, кандидатуры на должность премьер-министра А. Жданов резко отклонил. В формировании нового правительства непосредственно участвовали бывшие левые социалисты, члены так называемой группы «Единство». Эстонским коммунистам не доверяли. Отношение к ним Сталина характеризует циничное заявление во время переговоров 1939 г., связанных с пактом: если коммунисты доставляют вам трудности, их можно расстрелять.

Вступление в должность нового правительства, по сценарию А. Жданова, должно было состояться в результате уличных демонстраций. Соответствующее распоряжение было дано 20 июня вечером Советским посольством Максиму Унту, которому Советское посольство предназначало роль министра внутренних дел.

М. Унт отмечает в своей автобиографии: «Тов. Жданов поручил мне за ночь организовать митинг и выступление к 21 июня».

К этому были привлечены местные коммунисты, которых в Эстонии насчитывалось где-то от 130 до 150 человек. В назначенный день из 33 городов Эстонии митинги состоялись в 10, в двух поселках. В Таллине в митинге на площади Свободы участвовало около 5 тысяч человек. ТАСС допускает, что в нем участвовали также советские вооруженные силы. Цитирую: «Появление на площади советских танков, бойцов и командиров было встречено всеобщим ликованием» («Правда», 22. 6. 1940). Выступивший на митинге командир Красной Армии действительно был встречен аплодисментами.

Демонстрация силы состоялась перед Дворцом КадрIORг, после чего А. Жданов вместе с депутатом К. Никитиным и сотрудниками посольства нанес 8-минутный визит президенту К. Пятсу, продиктовал ему состав правительства И. Вареса. В тот же вечер в 22.15 о новом правительстве было сообщено по радио. Регулирование состава правительства и в дальнейшем происходило в согласовании с посольством Советского

Союза (см. отстранение министра юстиции Б. Сеппа. Воспоминания Н. Андресена. «Рахва Хяэль», 22. 7. 1989).

Часть эстонского народа приветствовала новое правительство, но по разным причинам. Демократически настроенная интеллигенция связывала с ним устремления к демократизации, наиболее бедные надеялись на улучшение материального и социального положения, основная часть крестьян стремилась к облегчению долгового бремени, тяготевшего над их крестьянскими хозяйствами, мелкие земледельцы и безземельные крестьяне хотели получить землю, коммунисты видели в нем один из этапов осуществления своих программных требований. Это подтверждают многочисленные митинги, народные собрания, резолюции трудовых коллективов и программные документы новых созданных организаций. Народ не знал о закулисных делах власти и планах сталинской политики по отношению к Эстонии.

Наряду с Советским посольством и армией в преобразовании всего государственного аппарата и осуществлении сталинского режима террора в Эстонии активно участвовали советские спецслужбы. Для этого сюда прибыли ленинградские чекисты, арестованы и депортированы из Эстонии граждане Эстонской Республики.

Формально была сделана попытка после 21 июня следовать Конституции Эстонской Республики.

Ситуация резко изменилась после распоряжения Жданова объявить и провести 14—15 июля выборы в новую Государственную думу на условиях, противоречивших Основному Закону: выборы следовало провести в срок, втрое короче, чем предусматривал Закон о выборах, выборы предстояло провести без судебной правозащиты. Отметим, что такие же условия продиктовали Деканозов литовскому и Вышинский — латвийскому правительствам. Этим и другими самоуправными актами были нарушены статьи Конституции Эстонской Республики 30, 68, 99 и Закона о выборах в Государственную думу 16 и 27.

По прямому распоряжению А. Жданова были отведены кандидатуры тех, кто не входил в Союз трудового народа Эстонии: сначала от них требовали менее чем за сутки представить предвыборную платформу — правительство дало распоряжение вечером 9 июля представить предвыборную платформу к 14 часам 10 июля; затем главному избирательному комитету было дано право устранить и тех не входящих в Союз трудового народа Эстонии кандидатов в депутаты, которые успели представить выборную платформу. Были аннулированы заявления о выдвижении 57 кандидатов. 20 кандидатов отказались баллотироваться под влиянием угроз и шантажа. Выборы были проведены в обстановке прямого и косвенного нажима и угроз. Как во время предвыборной кампании, так и оба дня выборов Красная Армия демонстративно участвовала в событиях (избирательные участки охранялись красноармейцами, их транспорт использовался во время проведения выборов). По воспоминаниям многих людей, избирательные инструкции были нарушены и итоги голосования фальсифицированы.

Выступая 17 июля на митинге в Таллинне, К. Сяре сказал, что победа на выборах будто бы убедительно продемонстрировала доверие народа советскому правительству и лично И. Сталину. В сложившейся политической обстановке будто бы назрел вопрос установления Советской власти и вступления Эстонии в состав Советского Союза.

Не имея полномочий народа и не будучи Государственной думой, а по Конституции — только она имела право выносить решения по вопросам государственного строя, депутаты Союза трудового народа Эстонии, собравшиеся 21 июля 1940 г., приняли решения по изменению государственного строя Эстонии, которые не исходили из выборных платформ или программных документов нового правительства и тем более не из

свободного волеизъявления народа Эстонии. По вопросу о власти в Эстонии не были проведены ни опросы народа, ни референдум, «Сталин обманывал и более умных и опытных коммунистов, чем мы, эстонские коммунисты. Мы были обмануты и обманули народ, но не сознательно и не умышленно», — свидетельствует ветеран партии, секретарь II состава Государственной думы О. Лауристин, которая выразила согласие с правовой оценкой комиссии в письме в Президиум Верховного Совета ЭССР от 20 сентября 1989 г.

Исходя из вышеизложенного, комиссия отмечает в своем решении, квалифицируются:

— юридически ничтожными все договоры 1939—1940 гг. между Эстонской Республикой и Советским Союзом, заключенные после пакта от 23 августа 1939 г. между Советским Союзом и Германией, и приложенного к нему секретного протокола, который противоправно разделил Восточную Европу между двумя державами и отнес Эстонскую Республику к сфере интересов Советского Союза, предусмотрев для этого территориально-политические преобразования;

— агрессией, военной оккупацией и аннексированием Эстонской Республики внешнеполитические и военные акции руководства Советского Союза против Эстонской Республики в 1940 г.

В ленинском Декрете о мире говорится: «Под аннексией или захватом чужих земель правительство понимает (имеется в виду советское правительство — А. К.), сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности, всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация» (В. И. Ленин, ПСС, т. 35, с. 14).

Комиссия заключает, что включение Эстонии в 1940 году в состав Советского Союза было незаконным.

**INFORMATION BY CHAIRMAN OF THE COMMISSION,
DEPUTY A. KÕORNA ON THE 13th SESSION
OF THE 11th CONVOCATION OF THE SUPREME SOVIET
OF THE ESTONIAN SSR**

On July 20, 1989 the Presidium of the Supreme Soviet of the Estonian SSR adopted the decision to:

1. Approve the membership of the Commission for giving a historical and legal appraisal to the events which took place in Estonia in 1940.
2. Obligate the ESSR Supreme Soviet Commission of Bills, Interethnic Relations and External Affairs to investigate the conclusions and proposals made by the Commission formed by the present decision.

One of the reasons why the Commission was formed was that citizens had written numerous applications to the Presidium of the Supreme Soviet of the Estonian SSR requiring that the events which took place in Estonia in 1940 be clarified. The Presidium of the Supreme Soviet received applications signed by more than 435 000 citizens.

The Commission consisted of 19 experts, mainly historians and lawyers who have won recognition as specialists in the field of 1940 events.

The Commission studied all the historical research works made in Estonia as well as elsewhere, additional archive materials and the evidence given by people who had directly participated in these events as well as the corresponding materials published in the press. A **legal appraisal** was given to the 1940 events on the basis of the **historical appraisal** made after all these materials had been analysed. In addition, the Commission and its subgroups consulted other specialists while the Commission was working, and new materials and memoirs of the participants, etc. were submitted to the Presidium of the Supreme Soviet.

In its work the Commission could use the materials of another commission, formed by the Presidium of the Estonian Academy of Sciences on July 27, — the latter's conclusions were also relied upon. I would like to note that the Presidium of the Estonian Academy of Sciences approved the conclusions made by the Commission and they were published in the Estonian press on September 22. I believe that most deputies are acquainted with them.

As a result of the work of the Commission a note was issued with copies of numerous historical documents and the decision of the Commission attached. The decision of the Commission is signed by 17 members out of the 19 belonging to it. Two members — Eduard Cherevashko and Valeri Chetvergov did not take part in the work of the Commission. All these materials are now being translated into Russian and copies are being made, so we cannot distribute them to the Deputies just now.

And now for the problem itself.

The relations of the Estonian Republic and the Soviet Union were regulated by a set of treaties in 1920—1939. These treaties were based on the USSR's recognition of the people's right to free self-determination, and on the Tartu Peace Treaty (from February 2, 1920).

Unfortunately, the relations between the two states changed drastically after the signing of the Non-Aggression Pact between the Soviet Union and Germany on August 23, 1939. The Pact was accompanied by a Secret Protocol which divided East-European areas into the spheres of interest of the two states, according to which Estonia belonged to the Soviet Union's sphere of interests and the latter considered it normal that territorial and political rearrangements should follow.

On September 25, 1939 Stalin informed Hitler that he was going to handle the problem of the Baltic States in accordance with the Protocol of August 23, and that he was expecting firm support from the German Government in this matter. The Stalinist leadership demanded that the Estonian Government conclude a pact of mutual assistance and allow the allocation of Soviet troops on the Estonian territory. The demands were accompanied by demonstrations of power: Soviet warships entered Estonian territorial waters many a time, on September 25—26 Soviet combat aircraft flew en masse over the territory of the Estonian Republic, up to 20 infantry divisions — artillery and tank units — were assembled on the border between Narva and Petseri. They were followed by a military provocation (the drowning of the Soviet steamer the *Metallist*), direct threats to use force (V. Molotov on September 24 to the Estonian Foreign Minister K. Selter, "I advise you to comply with the wishes of the Soviet Union to avoid the worst. Don't make the Soviet Union use force to achieve its aims").

Under the strong military pressure Estonia was forced to sign an unequal Agreement on September 28, 1939. Formally the Agreement recognized Estonia's independence, but it guaranteed the Soviet Union a permanent presence of its armed forces on Estonian territory (25 000

Soviet servicemen as against Estonia's 15 000). Thus the Soviet Union created additional preconditions for pursuing ultimative policy of strength.

Internal political situation in Estonia in the spring and summer of 1940

By the spring of 1940 the economy of the Estonian Republic had overcome the difficulties connected with the war in Europe. The economic situation was stable: the employment was the highest during the existence of the Republic, the living standards were nearly the same as in the Scandinavian countries of Sweden and Norway (higher than in Finland), there were no strikes.

Yet, besides the existence of class antagonism and internal political tension as in any bourgeois state, we must admit that what was really predominant at that time was the conflict between the democratic requirements of the masses and the authoritarian regime of K. Päts. The existence of a democratic opposition was confirmed by the elections to the Chamber of Deputies in 1938 and to the local self-governments in 1939 where the candidates of the opposition won more votes than the supporters of the President's regime. This state of affairs was also taken into consideration by the Estonian Communist Party, whose proclamation did not set the task of establishing Soviet Power in Estonia but stressed democratic freedoms, improvement of the working people's material welfare and the formation of a new government. It would be wrong to treat these democratic demands as automatic readiness to establish Soviet Power and join the Soviet Union as it has unfortunately been done by historians in near past. Thanks to its united front with leftist Socialists, the Estonian Communist Party enjoyed considerable influence in the majority of trade unions and other workers' organizations. And a certain part of the intellectuals supported the ideas of Socialism, too. However, it is quite obvious that in 1940 it was not possible to overthrow K. Päts' Government with the forces of the so-called internal opposition or change the social system in Estonia. Evidently the ECP expected that the Soviet Union would interfere in the affairs of Estonia so that the Communist Party could come to power and so it would become possible to proceed to Socialism step by step.

Thus we can state that neither political nor economic situation in Estonia prior to the events in June, 1940 gives evidence of the existence of the revolutionary situation here.

However, the developments on the European battlegrounds were about to make the Soviet Union's foreign policy more active. This became evident in Estonia, too. While earlier the Soviet Union had been postponing the concluding of the treaty regulating the legal side of the military bases located in Estonia, then now it started to speed up its signing. The tone used at the respective negotiations was ultimative. On May 15 the Treaty was signed with unfavourable conditions for Estonia: the town of Paldiski, the islands of Suur-Pakri, Väike-Pakri and Osmussaar, nearly a hundred villages and hamlets from which the inhabitants had to be resettled, were to be transferred to Soviet military bases. Preconditions for receiving bigger military contingents had been created. At the same time the Soviet side stated that it had no pretensions to the Estonian side with regard to fulfilling the Pact. Nevertheless, combat readiness was effected in the Soviet military bases already on June 10. Soviet troops started their activities on June 14 (the ports and the ways to the sea were shut, merchant ships and fishing vessels which were out at sea were escorted to ports, a Finnish passenger plane was shot down in the Estonian air space, an Estonian plane was fired at, etc.). Such acts have

characteristics of the sea and air blockade qualified by the London Convention which had also been signed by the Soviet Union as an attack (Article 2, Paragraphs 3—4 of the Convention).

At 3:20 p.m., on Sunday, June 16 Molotov summoned August Rei, Estonian Ambassador in Moscow, to his office and handed him the Soviet Government's note. The answer was to be given in 8 hours 40 minutes.

The Soviet note was based on fabricated accusations to the effect that Estonia had formed a military alliance with Latvia and Lithuania to attack the Soviet Union.

As proof of the menace by Estonia to the Soviet Union V. Molotov cited three circumstances:

(1) secret participation in the Baltic Conference in December, 1939 and March, 1940;

(2) secret expansion of the co-operation of the general staffs of the Baltic States;

(3) the establishment of a special publication — *Revue Baltique* — of the "military Baltic Entente" in February, 1940.

The accusations of the Soviet Government were quite groundless since:

(1) the Treaties concluded between Estonia, Latvia and Lithuania were open, they were registered and published in the League of Nations; the actual contents of these Treaties could not be unknown to the Soviet Union as a former member of the League of Nations (up to the expulsion on December 14, 1939);

(2) at the Baltic conferences the political and military leaderships of Estonia did not devise either secret or open attack on the Soviet Union; the Pacts of Mutual Assistance concluded with the Soviet Union did not oblige the Estonian Republic to cancel the Treaty of Mutual Defence concluded with the Latvian Republic on November 1, 1923;

(3) *Revue Baltique* was a joint journal of the three Baltic States which treated the economic life, literature, music, architecture and history of these three states, and it was no secret, but could be freely purchased at newsstands and bookshops, and it was advertized in newspapers.

The Soviet Government demanded ultimately that a new Government be formed in Estonia and additional Soviet Army troops be allowed to enter the territory of the Estonian Republic, and into the areas chosen by the Soviet Union. The ultimatum was accompanied by an open threat: if the Estonian side does not announce its agreement by the given time, the Soviet troops gathered on the border will be given the order to invade Estonia and suppress any resistance by means of arms.

The system of treaties between the Estonian Republic and the Soviet Union included a carefully elaborated mechanism for peaceful solution of misunderstandings, quarrels and disputes. The time limit — 8 hours and 40 minutes — fixed by the ultimatum proves that the Soviet leadership did not expect the accusations made in the ultimatum to be explained; it was evident that a decision had been made in favour of the policy of force and immediate occupation of the Estonian Republic. The Estonian Government gave a submissive answer to the ultimatum by the time set. The allocation of the additional military units of the Red Army was to be solved by the military authorities of the two states. Actually everything had been decided by the Soviet side; negotiations were to start in Narva at 9 a.m., however, the Red Army crossed the state border already at 4 a.m. by the local time. Instead of the negotiations Johan Laidoner, Commander-in-Chief of the Estonian defence forces, was made a proposal to sign a Protocol which fixed the allocation of the additional 90 000 servicemen of the Red Army (the whole Estonian territory was involved), demanded that military commandant's offices be established at railway junctions and major telegraph offices, and civilians give away all their arms, pro-

hibited the Estonian airplanes to fly for two weeks, etc. In addition, chiefs of various army formations demanded, on the same day, that Estonian military and civil facilities be transferred to the disposal of the Red Army.

The Commission qualified the actions of the Stalinist leadership and the military leadership of the Red Army on June 10—17 and the invasion on June 17 as military occupation according to international law (see Article 2, p. 2, 3, 4 of the Convention defining an attack), and all its consequences concerning state law as automatically null and void.

The formation of the new Government started in the Soviet Embassy in Tallinn not later than on June 18. The Embassy ignored the fact that the Estonian Government had accepted the ultimatum, and in accordance with the Constitution, K. Päts had started negotiations to form a new Government. The Soviet Embassy and Andrei Zhdanov who arrived in Tallinn on June 19 formed the new Government on June 18—20. A. Zhdanov resolutely rejected the proposals made by K. Päts and his candidates to the Prime Minister's office. Former leftist Socialists, members of the so-called Unity Group participated directly in the formation of the new Government. Estonian Communists were not trusted. J. Stalin's attitude is characterized by his cynic statement at the talks connected with the Pact in 1939: if Communists trouble you, why not shoot them.

According to A. Zhdanov's scenario, the new Government had to enter service as a result of demonstrations in the streets. The respective order was given by the Soviet Embassy to Maksim Unt, who had been appointed Minister for Internal Affairs on the evening of June 20.

M. Unt writes in his biography, "Comerade Zhdanov gave me the task to organize, during the night, a rally and political action by the 21st of June".

Communists whose total number in Estonia was 130—150 were involved in the organization of these actions. On the appointed day rallies took place in 10 towns out of the 33 Estonian towns and in two villages. The rally which took place in Tallinn on Vabaduse Square was attended by about 5000 people. The Soviet news agency TASS admits that Soviet servicemen were among the participants. I shall quote, "The appearance of Soviet tanks, men and officers was greeted by general jubilation." (Pravda, June 22, 1940). As a matter of fact, the Soviet commander who made a speech at the rally did receive an applause.

The demonstration of power continued in front of the Kadriorg Palace, after which A. Zhdanov together with Ambassador K. Nikitin and representatives of the Soviet Embassy made an 8-minute visit to President K. Päts and dictated to him the list of the members of the new Government headed by J. Vares. On the same evening, at 10:15, the news about the new Government was broadcast over the radio. Later on the changes in the membership of the Government were made in line with the orders by the Soviet Embassy (see about the removal of B. Sepp, Minister of Justice, in N. Andresen's memoirs. *Rahva Hääl*, July 22, 1989).

Part of the Estonian population welcomed the new Government, though for different reasons. Democratically inclined intellectuals expected that the system would become more democratic, poorer people hoped that their material and social welfare would improve, the major part of the peasants strived for the reduction of the burden of mortgages on their estates, small landholders and landless peasants wanted to get land, Communists saw it as a stage of fulfilling their programme. This is testified by numerous rallies, meetings, resolutions made by workers' collectives and the programmes of new organizations created at that time. The people were ignorant about the back-stage machinations and the plans of the Stalinist policy in Estonia.

Side by side with the Soviet Embassy and military forces an active part

in rearranging the state apparatus and implementing the Stalinist regime of terror was played by Soviet "special services". Agents of the Extraordinary Commission (Cheka) from Leningrad were brought to Estonia, citizens of the Estonian Republic were arrested and deported out of the borders of Estonia.

Some attempts were made to follow formally the order set by the Constitution of the Estonian Republic.

The situation changed radically after Zhdanov's order to announce elections to the new Chamber of Deputies and carry them out on July 14—15 under conditions which were not in harmony with Estonian Constitution: three times less time was envisaged for carrying out the elections than fixed by the Law on Elections, and no judicial protection was guaranteed for the candidates. By the way, the same conditions were dictated by Dekanosov to the new Government of Lithuania and by Vishinski to that of Latvia. This and other wilful acts violated the Constitution of the Estonian Republic (§§ 30, 68, 99) and the Law on the Elections to the Chamber of Deputies (§§ 16 and 27).

Candidates who did not belong to the Estonian Working People's Coalition were removed by direct orders from Zhdanov: first it was demanded that they should present their election platforms in less than 24 hours — in the evening of July 9 the Government ordered that the election platforms be submitted by 2:00 p.m. on July 10, later the Main Electoral Committee was given the right to remove also those candidates not belonging to the Working People's Coalition who had been able to present their platforms. The nomination documents of 57 candidates were annulled. 20 candidates resigned due to threats and blackmail. The elections were carried out under the conditions of direct and indirect pressure and threats. The Red Army participated demonstratively in the pre-election campaign and the elections (the polling stations were guarded by Red Army men, their vehicles were used during the elections). According to the reminiscences of numerous people the regulations for elections were violated and the results were forged.

Making a speech at a rally in Tallinn on July 17, K. Säre said that the victory at the elections demonstrated convincingly people's trust of the Soviet Union and of J. Stalin personally. Under the new political situation the questions of establishing Soviet power and joining the Soviet Union had become an item on the agenda.

Deputies of the Estonian Working People's Coalition, who had no authority delegated by the people and who did not form the Chamber of Deputies which, according to the Constitution, was the only body that had the power to make decisions about the state order, still made, on July 21, 1940, decisions that changed the political system out of harmony with their election platform and the programme of the new Government, not to speak of a free expression of the will of the Estonian people. No referendum or plebiscite was arranged in Estonia in the question of power.

In her letter to the Presidium of the Supreme Soviet of the Estonian SSR Olga Lauristin, a Communist Party veteran, secretary of the 2nd convocation of the Chamber of Deputies, wrote, "Stalin deceived cleverer and more experienced people than we, Estonian Communists, were. We were deceived and we deceived the people, but not wilfully and consciously." She agreed with the Commission's juridical decision.

In its decision the Commission stated that, relying on the above-said, it qualified:

— all the treaties between the Estonian Republic and the Soviet Union concluded after the Pact between the Soviet Union and Germany from August 23, 1939 and its Secret Protocol which unlawfully divided Eastern Europe between the two states and determined Estonia as belonging to

the sphere of influence of the Soviet Union envisaging for this purpose territorial and political rearrangements, as null and void;

— the foreign political actions of the Soviet leadership against the Estonian Republic in 1940 as aggression, as a military occupation and as an annexation of the Estonian Republic.

The Leninist Decree on Peace states, "By annexation or the conquering of foreign countries, the Government (i. e. the Soviet Government — A. K.) understands, in accordance with the general consciousness of lawfulness and specifically that of working people, any joining of a small or weak people to a big or strong state without this people's clear, exact and voluntarily expressed agreement and will, irrespective of when the forced joining has taken place, and also irrespective of the fact how developed or underdeveloped the people forcibly joined or forcibly kept within the given state is." (V. I. Lenin. Teosed. Vol. 26, p. 222.)

The Commission draws the conclusion that the incorporation of Estonia in the Soviet Union in 1940 was not lawful.

EESTI NSV ÜLEMNÕUKOGU PRESIIDIUMI EESTIS 1940. a. SÜNDMUSTE AJALOO LIS-ÕIGUSLIKU HINNANGU VÄLJATÖÖTAMISE KOMISJONI OTSUS

NSV Liidu ja Saksamaa vahel 1939. a. 23. augustil sõlmitud mittekallaletungilepingu 50. aastapäeva eel laekus Eesti NSV Ülemnõukogu Presiidiumisse kuue nädalaga enam kui 435 000 allkirjaga ühisavaldusi valimisõiguslikelt kodanikelt nõudega selgust tuua 1940. aasta juuni-augustikuu sündmustesse Eestis. Avaldustes väljendatakse veendumust, et Nõukogude Liidu taotlused õigusriigi rajamiseks ning rahvaste vastastikusele usaldusele tugineva Euroopa ühiskodu loomiseks eeldavad ajaloolise tõe ja õigluse jaluleseadmist.

Seoses nimetatud avaldustega moodustas Eesti NSV Ülemnõukogu Presiidium komisjoni 1940. aastal Eestis toimunud sündmustele ajaloolis-õigusliku hinnangu väljatöötamiseks. Komisjon tutvus vastavate materjalidega ja jõudis järgmistele seisukohtadele.

1. Eesti Vabariigi ja Nõukogude Sotsialistlike Vabariikide Liidu vahel aastail 1920—1939 reguleeris lepingute süsteem, mis rahvaste vaba enesemääramisõiguse tunnustamisest tulenevalt rajanes 1920. a. 2. veebruaril sõlmitud Tartu rahulepingul. Suhetes Eesti Vabariigiga 1939—1940 asus Nõukogude Liit Saksamaa kaasteadmisel ja viimasega oma samme kooskõlastades realiseerima õigustühiseid pretensioone huvisfäärile ja territoriaal-poliitilisele ümberkorraldusele Eestis, lähtudes 1939. a. 23. augustil Saksamaaga sõlmitud pakti salajase lisaprotokoll punktist 1, ning rikkus ühepoolselt ja jõhkralt kõiki Eesti Vabariigiga sõlmitud ja ratifitseeritud lepinguid.